

УДК 821.161.1

Своеобразие стилистических средств создания образа в военных рассказах Бориса Горбатова

Сердечный Евгений Владимирович

Преподаватель английского языка

Краснодарского президентского кадетского училища,

350000, Российская Федерация, Краснодар, ул. Северная, 267;

e-mail: gym25@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена особенностям стилистики военных рассказов Бориса Горбатова, одного из выдающихся писателей периода Великой Отечественной войны. Актуальность темы связана с тем, что с 1970-х годов проза Б. Горбатова не становилась объектом литературоведческого исследования. Исследование литературы данного периода, проведенное с полувековой временной дистанцией, остается актуальной литературоведческой задачей. Однако советское литературоведение, использовавшее в основном историко-социологический метод, во многом исчерпало свой потенциал. Мифопоэтика рассказов Б. Горбатова связана с олицетворением фашистов и трусов с животными, а русского солдата – с героическим титаном. Родная земля обретает черты живого существа, в то время как советские воины сравниваются с железными конструкциями. Таким образом, автор отступает от реализма, смело пользуется метафорами и сравнениями, создавая мифопоэтическую картину противостояния чудовища и избранного народа.

Для цитирования в научных исследованиях

Сердечный Е.В. Своеобразие стилистических средств создания образа в военных рассказах Бориса Горбатова // Язык. Словесность. Культура. 2016. № 1-2. С. 37-49.

Ключевые слова

Борис Горбатов, военная проза, советская литература, рассказ, аллюзии.

Введение

Великая отечественная война стала переломным событием XX века, переменившим идентичность западного мира. Опыт войны был осмыслен не только историками и политиками, но и писателями всего мира: немецкими [Baker, 2010; Rebien, 2007], американски-

ми [Vees-Gulani, 2003] и английскими [Faragher, 2013; Davis, 2013], японскими [Lippit, 2010] и французскими [Golsan, 2014], – что привело к закреплению жанрового обозначения «war fiction».

В России также сложилось направление «военная проза». Одним из ярких, но малоисследованных его представителей является Борис Горбатов.

С 1970-х годов проза Б. Горбатова не становилась объектом литературоведческого исследования. Интерес к писателю в прессе перешел в основном в биографическую плоскость. Однако военная проза Бориса Горбатова, в частности, его рассказы, остались ярким явлением литературы, которая создавалась в первые военные годы. В них поданы примеры патриотизма, сформулирована риторика и образы, вдохновлявшие многонациональный народ СССР на битву и на победу в Великой Отечественной войне.

Актуальность темы связана с актуальностью исследования стилистики военных рассказов Б. Горбатова с позиций современного литературоведения. Проблема исследования связана с тем, что проза Б. Горбатова изучена только с позиций литературоведения 1950-1960-х годов; необходимо обновление методов исследования и вовлечение прозы писателя в круг актуальных для современного читателя произведений. Объект исследования – рассказы и очерки Б. Горбатова военной поры: циклы «Письма к товарищу», «Алексей Куликов, боец», «Рассказы о солдатской душе» («После смерти», «Возвращение», «Власть», «Партийный билет», «Дезертир»).

Цель исследования – определение способов создания образов и воздействия на читателя в военных рассказах Бориса Горбатова.

Сформулированная цель исследования предполагает выполнение следующих задач:

- исследование черт романтического стиля в прозе Б. Горбатова;
- анализ мифопоэтики и библейской образности в рассказах Б. Горбатова.

Методы исследования – литературоведческие методы биографического, текстуального и историко-литературного анализа, а также мифопоэтический, структурно-описательный методы.

Исследование стилистики военных рассказов привело к формулированию следующей исследовательской гипотезы: сила и влияние образов прозы Б. Горбатова связаны с использованием средств мифопоэтического характера, в том числе библейского происхождения, а также некоторых приемов литературы романтизма.

История вопроса

Борис Леонтьевич Горбатов (1908 – 1954) – прозаик, автор произведений о революции и жизни комсомольцев, военной прозы и произведений о покорении Арктики. В годы войны Б. Горбатов был военным корреспондентом. Проза Б. Горбатова стала одним из ярких явлений литературы того периода. Однако нельзя говорить о том, что военная проза писателя

глубоко и подробно исследована. Более того, с начала 1970-х годов упоминание его произведений в литературоведческих исследованиях эпизодично.

О Борисе Горбатове написано несколько книг воспоминаний, которые рисуют жизненный путь и творческую биографию прозаика. Так, в 1956 году издана книга А. Ионова [Ионов, 1956], в 1957 – А. Колесниковой [Колесникова, 1957], в 1958 – сборник «Его звали Борис Горбатов» [Его звали..., 1958]. В 1964 году была опубликована книга воспоминаний, авторы которых рисуют образ писателя как талантливого человека [Воспоминания..., 1964]. В книге раскрываются жизненные истоки творчества Б. Горбатова. В 1983 году в 10-томнике К. Симонова опубликованы его воспоминания о писателе [Симонов, 1983].

В 1964 году, к 10-летию смерти писателя, была опубликована монография Б. Галина «Борис Горбатов. Черты литературного портрета» [Галин, 1964]. Очерки о прозе Б. Горбатова написала В. Карпова [Карпова, 1970]. В 1955 году о творчестве Горбатова защищена первая диссертация [Веленгурин, 1955].

Наиболее глубоко творчество Б. Горбатова исследовал Д.Н. Медриш, который в 1963 году защитил кандидатскую диссертацию по творчеству прозаика [Медриш, 1963]. Справедливо отмечая такие качества произведений Б. Горбатова, как лиризм, художественный такт, многоплановость композиции, развернутость сравнений, особенную позицию рассказчика-персонажа, Д.Н. Медриш в основном останавливался на социально-историческом исследовании произведений писателя, не уделяя большого внимания структурным и стилистическим особенностям его прозы. Кроме того, исследователь в основном рассматривал повести и романы Б. Горбатова, а не его малую прозу. В 1971 году была защищена диссертация о Горбатове-публицисте [Савельева, 1971], а затем его имя исчезает из серьезных литературоведческих исследований, – не в последнюю очередь из-за политических перемен.

Н.Л. Лейдерман справедливо пишет о Б. Горбатове как об одном из незаслуженно забытых писателей, талантливые книги которого были принижены «только потому, что они в свое время проходили по ведомству соцреализма» [Лейдерман, 2010, 6].

Романтическая героика в военных рассказах Б. Горбатова

Авторы «Литературной энциклопедии» 1920-1930-х годов отмечали, что «В наше время стоит вопрос о «советской романтике», характерной для творчества раннего М. Горького, В.Г. Короленко [Мирский, 1937, 35]. Названы следующие черты такого советского романтизма:

1) «Любовь к героике, но героике не фантастической, а ставшей не только реальностью, но массовой реальностью»;

2) «Чисто стилистическая тенденция к формам выражения, отличным от внешне-реалистической манеры» [там же]. Последняя характеристика подразумевает такие черты, как склонность к антитезам и противопоставлениям, гротеску, гиперболам, внимание к

фольклорному наследию и национальному своеобразие, описание противоречивой и сложной психики человека.

Малой прозе Бориса Горбатова все эти качества присущи. «Романтическая приподнятость тона» отмечается в статье о писателе в «Большой советской энциклопедии» [Турков, 1952, 69]. О лироэпическом начале прозы Б. Горбатова, о сочетании романтической воодушевленности с реалистической точностью пишет и В. Карпова [Карпова, 1970].

Героями рассказов предстают современники писателя; как отмечал Д.Н. Медриш, проза Горбатова – «это всегда разговор о наших современниках» [Медриш, 1959, 90]. Более того, писатель заявлял, что любит писать о «маленьких людях» и «обыкновенных событиях». Этот тезис реализуется у Горбатова романтически: героем у него становится каждый маленький человек, а подвиг становится «обыкновенным событием».

Главным предметом изображения в малой военной прозе писателя становится «массовый героизм непокоренного народа» [там же, 100]. Действительно, героизм становится на войне явлением массовым. Вот как пишет об этом Б. Горбатов: «Ничем не был еще награжден Алексей Куликов, ни орденом, ни часами, – потому что, если наградить его, так надо всю Красную Армию награждать, всех ее бойцов, так же, как и Куликов, достойно несущих свою боевую службу» [Горбатов, 1988, 55].

Каждому обращен призыв повествователя «Писем к товарищу»: «Будут ли о нас песни петь или проклянут, как трусов?» [там же, 10]. Очевидно, что выбора не остается, перед каждым только две возможности: быть героем или трусом, что «любой ценой готов заплатить <...> за свою никчемную жизнь» [там же, 88]. Этот антагонизм – выразительная черта, сближающая стиль Горбатова с романтизмом. Романтический герой может быть только исключительной личностью, но требования военного времени приводят к тому, что исключительным должен стать каждый.

Писатель ярко рисует возможности отступления от героического поведения, все они ведут к падению: и перебежничество, и дезертирство, и уничтожение партбилета. К. Симонов вспоминает о том, что Горбатов пишет о фашистском лагере смерти «гневно, возмущенно, приподнято» (в то время как сам Симонов – «сухо, протокольно») [Симонов, 1983, 545]. Эта страстная манера свойственна писателю: «Он не скрывает своих оценок – ни восхищения, ни ненависти» [Медриш, 1959, 91].

Существование при немцах видится автору как трагедия. Побывав в немецком плену, человек сразу теряет облик: «Всего полтора месяца прожил этот человек под властью врага, а спина его согнулась <...> Это была спина раба» [Горбатов, 1988, 13].

Здесь ярко выступает еще один лейтмотив романтической эстетики: тема желанной свободы и ненавидимого рабства. Советский строй видится автором как порядок, при котором «каждый был сам хозяином своей судьбы» [там же, 14]; фашистская власть – как хозяйничанье чужака, который из сына делает «тупой рабочий скот», а дочь отдаст «в публичный дом» [там же]. Из этого сопоставления делается четкий, страстный вы-

вод: «Нет, лучше штык в глотку, чем ярмо на шею! Нет, лучше умереть героем, чем жить рабом!» [там же, 15].

Перебежчику одна дорога – расстрел. Расстреливают дезертира Антона Чувырина. Алексей Куликов застрелил товарища-перебежчика: «Жалости в его сердце не было» [там же, 64]. И только в рассказе «Дезертир» суд шадит Кирилла Журбу, посылая его вновь на фронт: «Кровью смывай с себя позорное пятно!» [там же, 98]. В этике рассказов Б. Горбатова семья и деревня не принимают перебежчика, он буквально «истребляется из народа своего» (Исх. 30:33), что в Ветхом Завете – синоним наиболее тяжелой казни.

При этом писатель не считает, что героизм рождается сам собой: так, в цикле об Алексее Куликове последовательно показаны и страх молодого бойца, и его неопытность, и постепенное возмужание. В сравнении с циклом «Писем к товарищу» рассказ о Куликове наполнен гуманизмом: в нем с пониманием изображается человеческая слабость, но только до той поры, пока человек не сделает главный выбор – стать «обыкновенным героем», как Алексей, или предателем, как его товарищ.

В военной прозе Б. Горбатова присутствуют яркие стилистические признаки романтического стиля. Постоянным приемом становится гипербола. «...И нет на земле парней лучше, чем донбасские парни, и заката красивей, чем закат над копром...» [Горбатов, 1988, 5]. Постоянно применяется эстетика противопоставлений, порой парадоксальных: «Я очень люблю жизнь – и поэтому иду сейчас в бой» [там же, 17].

Таким образом, в стилистике создания образов в рассказах Б. Горбатова значительную роль играет романтическая героика, связанная с противопоставлением героизма и предательства, свободы и рабства.

Мифопоэтика и библейские образы в рассказах Б. Горбатова

О библейском значении военной прозы писал Н.Л. Лейдерман: «Для народов России <...> сводом священной памяти стала великая литература о Великой Отечественной войне» [Лейдерман, 2010, 4]. Несмотря на то, что прямые библейские цитаты были невозможны в советской литературе, Библия оставалась достоянием русской культуры и образцом повествования о великих событиях истории.

Писатели того времени, чье детство пришлось на дореволюционный период, были воспитаны на чтении Библии. В особенности большое значение изучению книг Ветхого Завета придавалось в еврейских семьях, из которых вышли такие писатели, как С. Маршак, С. Черный, Г. Адамов, И. Бабель, В. Каверин, В. Гроссман и многие другие.

Выросший в еврейской семье Б. Горбатов стал одним из первых в советской литературе, кто поднял еврейскую тему, в частности, с глубоким волнением заговорил о трагической обреченности евреев в условиях немецкой оккупации. В его прозе мы обнаруживаем не только посвящение еврейскому народу, но и черты ветхозаветной, библейской стилистики.

В его гневной публицистике, «Письмах к товарищу», очевидны переключки с ветхозаветными пророчествами, авторы которых побуждали народ к действию и предрекали падение грозного врага.

Подобно пророку, обращается прямо к слушателю повествователь «Писем к товарищу». Страстные публицистические призывы, рефрены как будто воспроизводят обращения пророка к народу: «Если ты любишь Родину – бей, без пощады бей, без жалости бей, без страха бей врага!» [Горбатов, 1988, 7]. Так безжалостно и неумолимо призывает пророк Иезекииль: «пусть не жалеет око ваше, и не щадите; <...> бейте до смерти» (Иез. 9:5-6).

Беспощадность простирается не только на врагов, но и на своих; рассказывая о расстреле дезертира Антона Чувырина, повествователь восклицает: «Мы ничего не забудем! Мы никого не простим!» [Горбатов, 1988, 16]. Жестокость публицистического слова связана с отказом от новозаветных идеалов любви, прощения; главным становится гнев: «прежде чем улыбнуться другу, я пошлю пулю врагу <...> мы поднимаем свой первый тост за гнев!» [там же, 19].

Если избранный народ Ветхого Завета вел Господь, то воинов и защитников тыла во время войны направляла «мудрая и сильная рука» [там же, 32], – очевидно, партии или вождя. Подобно святилищам древности, освящаются и становятся местами памяти места битв [там же, 71].

Вступление в партию схоже с крещением, оно является своего рода посвящением, которое необходимо душе перед серьезными испытаниями. Так, беспартийный Алексей Куликов перед серьезными боями понимает, что хочет вступить в партию: «Больших боев жду. Мне теперь беспартийным быть негоже» [там же, 67]. Автор пишет: «...к партии у него было почти религиозное, благоговейное отношение» [там же, 65].

Особенное значение получает партбилет: «Труп большевика может достаться врагу. Партийный билет достаться не должен» [там же, 89]. Отношение к партбилету – яркий показатель свойств персонажа: героями становятся Никита Шандора и Иван Винокуров, предателями – те, кто закопали или уничтожили билет. Не только партбилет обретает статус магического артефакта. Особое значение получают «шрамоватая» винтовка Алексея Куликова, в которой словно заключены «вся слава и все традиции русского оружия» [там же, 52], пистолет Феди Воганова.

Как известно, ветхозаветное, как и советское, мировоззрение не знает идеи бессмертия души. У Б. Горбатова мы встречаем понятие бессмертия, однако бессмертие это – земное, в памяти людской. В борьбе с врагом «продает свою жизнь воин и приобретает бессмертие» [Горбатов, 1988, 89]. Бессмертие достигается жизнью в памяти людей: «Отныне это были люди-легенда, люди-песня» [там же, 74]. Этот образ раскрывается в рассказе «После смерти»: в рассказах «оживал и начинал жить новой жизнью герой полка Федор Воганов» [там же, 75]: его портрет приукрашивают, село называют его именем, а в памятнике «словно продолжал Федор Воганов жить, расти, мужать и после своей смерти <...> Это – бессмертие» [там же, 77].

Отмечаемый Д.Н. Медришем отказ от интриги [Медриш, 1959, 90] связан с пророческим, всеобщим видением истории, которым обладает повествователь «Писем к товарищу» Б. Горбатова. Он провидит самые различные времена и места. Так, в одном из писем повествователь становится провидцем: «Через многие ночи, дни, месяцы гляжу я вперед и там, за горами горя, вижу нашу победу» [Горбатов, 1988, 16].

Подобно тому, как в ветхозаветном тексте евреи оказываются избранным народом, в рассказах Б. Горбатова избранным, небывалым народом становится советский – русский народ. «То, что может русский солдат, никому – ни немцу, ни англичанину, ни итальянцу, – не вынести» [там же, 66]; «Так только русский солдат драться может» [там же, 71]. И поднимает производство этот народ – как никто: «Работали споро, яростно, лихо, как только советские люди умеют работать» [там же, 35].

Этот народ многонационален. И эти этносы – одна семья. Рядом с героем-повествователем «Писем к товарищу» сражаются «узбек Аскар Шайнаров, и таджик Шотманбай Курганов, и Хачик Авакьян из Армении, и Лаврентий Микава из Грузии, и азербайджанцы Исса Карджиев и Магарем Алиев – приятели из Шамхора» [там же, 25]. Бойцы разной национальности «стали шестеро спиной к спине» [там же, 27], и в тот момент донской хутор был для них родиной, которую они защищают. Старушка, у которой на квартире жил узбек Валиев, признала его «третьим, названным сыном», – и он был «хорошим сыном, товарищ, – он славно дрался за мать!» [Горбатов, 1988, 28].

В прозе Б. Горбатова реализуется метафора «советский народ – одна семья». Условием патриотизма становится видение советского народа как единой семьи: «Вот что такое Родина: это когда каждая хата под седым очеретом кажется тебе родной хатой, и каждая старушка – родной матерью» [там же, 7]. «И каждая девочка – курносенькая, быстроглазая, с косичками, что мышинные хвостики, – была точно моя дочка» [там же, 11]. А воины – братья: «Нет братства более кровного, чем братство в бою» [там же, 21]. И логика защиты Родины выходит из этого древнего и простого понимания народа как семьи, в которой нужно защитить честь жен, жизнь детей и не посрамить славного прошлого отцов: «Отцы смотрят на нас с надеждой: ну-ка, дети, не опозорьте нас» [там же, 10].

Место обетования этого большого народа – его родная страна. Родина определяется писателем как «большое слово», что тотчас же уточняется географически и арифметически: «В нем двадцать один миллион квадратных километров и двести миллионов земляков» [там же, 5]. Однако это понятие постоянно «пульсирует», вмещающая образы Родины большой и малой: «Но для каждого человека Родина начинается в том селении и в той хате, где он родился» [там же]. Эта Родина для советского человека почти безбрежна: «И хотя ты никогда не был на Северном полюсе, сердце твое было там. Потому что там, на льдине, плыли наши русские советские люди...» [там же, 6]. И потому советский человек воспринимает всю большую Родину как малую, как свою обетованную землю: «Болит их сердце за далекий Ленинград, как за родное село» [там же].

Есть в малой прозе и скрытая цитация из Ветхого Завета. Старик из новеллы «Возвращение» пользуется библейскими выражениями: «В той сечи погибнет, расточится враг» [там же, 83]. Образ понимания войны как «веселой рубки лозы» также восходит к ветхозаветной образности: «Опустошил он виноградную лозу Мою, и смоковницу Мою обломал, ободрал ее догола, и бросил; сделались белыми ветви ее» (Иоил. 1:7).

Публицистика и малая проза военного периода у Бориса Горбатова обнаруживает как черты эпоса и лирики, так и ветхозаветное повествование. В нем постоянны рефрены, используется кольцевая композиция. Так, каждое из «Писем к товарищу» оканчивается страстным призывом к битве. А цикл об Алексее Куликове начинается и заканчивается одним и тем же абзацем: «...А зовут его Алексей Куликов, и родом он – пензенский <...> тут его знают все» [Горбатов, 1988, 73].

Мифопоэтика прозы Б. Горбатова во многом связана с традициями русской литературы начала XIX века, в том числе Н.В. Гоголя, который служил для писателя образцом писательского мастерства. Так, именно вслед за Гоголем Б. Горбатов широко употребляет развернутые сравнения, которые обретают, как правило, мифологические черты.

Образ фашиста показывается автором через уподобление силам хаоса: животным, чудовищам, в то время как мир советской жизни он изображает как упорядоченный космос: «До чего ж складно было все у нас устроено на нашей земле!» [там же, 48].

О немецких самолетах повествователь говорит: «уж кружат над нашими шахтами его стервятники» [там же, 7]. Образ врага дан через цепь животных метафор: «там, за нашей границей, сопит, ворочается злобный зверь» [там же, 16], «гитлеровский зверь» [там же, 17]; «Дыхание гада отравляло нам и труд, и жизнь, и любовь» [там же, 16]. Пленные немцы напоминают герою рассказа вшей: «Куликову, когда он глядел на них, все казалось, что это не люди, а вши у костра ползают» [там же, 58]. Убийство фашиста, исходя из этой логики, – не совсем убийство: «Так это ж не люди. Это фашисты» [там же, 57].

В мифопоэтической эстетике зверю, чудовищу противостоит герой, человек. Воплощением героического начала становится мифологический обобщенный образ Роса: «Рос рассердился. Люто рассердился» [там же, 18]. Рисует мифологический образ русского человека, не желающего умирать: «и немцы никак его убить не могли и не убили», потому что «в нем душа гордая» [там же, 42].

Слабый человек – тот, что может стать жертвой пропаганды или страха, – похож на животное: он с душой зайца и сердцем хорька [Горбатов, 1988, 15]. Тот, кто бережет «свою шкуру», найдет «собачью смерть» [там же, 16]. Вообще слово «шкура» – не только презрительное обозначение жизни, но и метафора животного, низкого отношения к жизни: «никто не скажет о нас, что шкура наша была нам дороже Отчизны» [Горбатов, 1988, 16]. А героические образы связаны с птицами: старик называет наступающую армию «орлы, чисто орлы» [там же, 19], им «победа дает крылья» [там же, 20].

Сама родная земля, как в мифах, оказывается живым телом: «Каждый шаг фашистского кованого сапога по нашей земле – точно кровавый след в твоём сердце» [там же, 7]. Родную землю ощущает герой физически, как часть тела: «Ее, как раненую руку, и нежнее любишь, и больше бережешь» [там же, 18]. Донбасс «вздыбился в смертельной агонии» [там же], «он тяжело ранен» [там же, 30]. Каждый кустик женщина-огородница «охаживает <...> словно ребенка, раненного бомбой» [там же, 22]. Особенное место в ряду оживших, одушевленных персонажей для автора занимают заводы, шахты, домны Донбасса, которые «никогда не были мертвыми, неодушевленными созданиями» [там же, 30]: «домны, из которых, как куски живого мяса, были вырваны горны» [там же, 34]. И люди «лечили раненый завод», «ампутировали мертвые конечности», «делали протезы, бетонные бандажи» [там же]. В то же время живые, воины, метафорически уподобляются механизмам: «А мы проходим мимо <...> железным шагом» [там же, 16]. Советские воины сравниваются с металлическими конструкциями: «Мы не заржавели, не сгорели – мы закалились» [там же, 20]. Люди в художественном слове военной прозы оборачиваются железом, чтобы спасти раненую землю, заводы, домны.

Таким образом, библейская стилистика и образы мифопоэтического свойства играют немаловажную роль в стилистике военной прозы Б. Горбатова. Особенно значимы для стиля писателя пророчества и этика Ветхого Завета, образ избранного народа и обетованной земли. Метафорические образы фашиста-зверя, героя Роса, живой земли и металлических солдат создают сильно действующую картину мифологического характера.

Заключение

В исследовании рассмотрены черты стилистики малой военной прозы Бориса Горбатова.

Способы создания образов и воздействия на читателя в военных рассказах Бориса Горбатова связаны с использованием писателем элементов романтической стилистики, мифопоэтики и библейской образности. Свойственное для романтизма стремление к героизму в военной прозе Б. Горбатова преобразуется в героизм всего советского народа. Героем у него становится каждый маленький человек, а подвиг – «обыкновенным событием». Романтический герой может быть только исключительной личностью, но требования военного времени приводят к тому, что исключительным должен стать каждый. Тот, кто не находит в себе сил для героизма, становится отступником, предателем, дезертиром. В русле романтической эстетики героическая смерть оказывается лучше трусливой жизни.

Большое значение в прозе Б. Горбатова играет мифопоэтика, в том числе библейского происхождения. В гневной и пламенной публицистике писателя очевидны переклички с ветхозаветными пророчествами, авторы которых побуждали народ к действию. Подобно ветхозаветным пророкам, повествователь призывает к безжалостности. У советских воинов формируется своя система священных ценностей: партия, партбилет, а также свой образ

бессмертия (в народной памяти). Многонациональный советский народ, изображаемый как единая семья, оказывается избранным.

Мифопоэтика рассказов Б. Горбатова связана с олицетворением фашистов и трусов с животными, а русского солдата – с героическим титаном. Родная земля обретает черты живого существа, в то время как советские воины сравниваются с железными конструкциями. Таким образом, автор отступает от реализма, смело пользуется метафорами и сравнениями, создавая мифопоэтическую картину противостояния чудовища и избранного народа.

Полученные результаты могут быть использованы в обосновании нового исследовательского подхода к произведениям Б. Горбатова, а также и литературе военной поры в целом.

Дальнейшие исследования в рамках темы могут быть связаны с исследованием стилистики крупной прозы Б. Горбатова.

Библиография

1. Веленгурин Н. Творчество Бориса Горбатова: дис. ... канд. филол. наук. М., 1955. 350 с.
2. Воспоминания о Борисе Горбатове. М.: Советский писатель, 1964. 496 с.
3. Галин Б.А. Борис Горбатов. Черты литературного портрета. М.: Знание, 1964. 48 с.
4. Горбатов Б. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. М.: Правда, 1988. 480 с.
5. Его звали Борис Горбатов. Воспоминания. Сталино: Сталинское областное издательство, 1958. 209 с.
6. Ионов А. Борис Горбатов: очерк жизни и творчества: воспоминания. Сталино: Сталинское областное издательство, 1956. 184 с.
7. Карпова В. Чувство времени. Очерки творчества Б. Горбатова. М.: Художественная литература, 1970. 272 с.
8. Колесникова Г.А. Борис Горбатов: творческая биография. М.: Сов. писатель, 1957. 240 с.
9. Лейдерман Н.Л. Книги отечественного завета // Филологический класс. 2010. № 23. С. 4-7.
10. Медриш Д.Н. Позиция художника и его стиль (о прозе Бориса Горбатова) // Вопросы литературы. 1959. № 7. С. 89-104.
11. Медриш Д.Н. Б. Горбатов – прозаик. Вопросы стиля: дис. ... канд. филол. наук. М., 1963. 260 с.
12. Мирский Д. Романтизм // Литературная энциклопедия: В 11 т. М.: Художественная литература, 1937. Т. 10. С. 17-39.
13. Турков А.М. Горбатов, Борис Леонтьевич // Большая советская энциклопедия. М., 1952. Т. 12. С. 69.
14. Савельева М.С. Б.Л. Горбатов – публицист: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 20 с.

15. Симонов К. Самый разный Горбатов // Симонов К. Собрание сочинений в 10 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 10. Далеко на Востоке; Япония. 46; Воспоминания. С. 544-561.
16. Baker G.L. The Middle Voice in Günter Grass's *Im Krebsgang* // *German Quarterly*. 2010. Vol. 83 (2). P. 230-244.
17. Davis T. Elizabeth Bowen's war gothic // *Textual Practice*. 2013. Vol. 27 (1). P. 29-47.
18. Faragher M. The form of modernist propaganda in Elizabeth Bowen's *The Heat of the Day* // *Textual Practice*. 2013. Vol. 27 (1). P. 49-68.
19. Golsan R.J. The portics and perils of faction: contemporary French fiction and the memory of World War II // *Romanic Review*. 2014. Vol. 105 (1/2). P. 53-68.
20. Lippit S.M. Spaces of Occupation in the Postwar Fiction of Hotta Yoshie // *Journal of Japanese Studies*. 2010. Vol. 36 (2). P. 289-312.
21. Rebien K. Dimensions of Engagement: Politics and Aesthetics in Heinrich Böll's Early Fiction // *German Quarterly*. 2007. Vol. 80 (3). P. 350-367.
22. Veas-Gulani S. Diagnosing Billy Pilgrim: A Psychiatric Approach to Kurt Vonnegut's *Slaughterhouse-Five* // *Critique*. 2003. Vol. 44 (2). P. 175-184.

The stylistic tools of creating an image in the war stories by Boris Gorbатов

Evgenii V. Serdechnyi

English Teacher,

Krasnodar Presidential Cadet School,

350000, 267 Severnaya str., Krasnodar, Russian Federation;

e-mail: gymn25@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the peculiarities of literary style in war stories by Boris Gorbатов, one of the greatest writers of the Great Patriotic War. Since the 1970s Gorbатов's prose has not become the object of literary study. The study of literature of Great Patriotic War period remains an urgent task of literary criticism. Gorbатов's stories contain mythopoetic images associated with the personification of the fascists and cowards with animals, and Russian soldiers – with the heroic titanium. Native Land acquires the features of a living being, while Soviet soldiers compared with iron constructions. Thus, the author departs from realism, bold-

ly uses metaphors and similes, creating mythopoetic picture if confronting the monster and the chosen people. The desire for heroism intrinsic to the Romanticism Gorbatov in his war stories converted to the heroism of the Soviet people. A little man becomes the hero, and the act of bravery becomes an ordinary event. Romantic hero can only be an exceptional person, but wartime requirements leads everyone to be the exceptional one. Those who do not find the strength for heroism becomes an apostate, a traitor, a deserter. In the way of Romanticism aesthetics heroic death is better than a cowardly life. Like the Old Testament prophets, the narrator calls for ruthlessness. The Soviet soldiers form their own system of sacred values: the Party, the party membership card, – as well as their own way of immortality (in peoples memory). The multinational Soviet people, portrayed as a single family, is the elected people. The results of the study can be used to justify a new research approach to the works of Boris Gorbatov, as well as Russian war fiction in general.

For citation

Serdechnyi E.V. (2016) Svoeobrazie stilisticheskikh sredstv sozdaniya obraza v voennykh rasskazakh Borisa Gorbatova [The stylistic tools of creating an image in the war stories by Boris Gorbatov]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Philology. Culture], 1-2, pp. 37-49.

Keywords

Boris Gorbatov, military prose, Soviet literature, storytelling, allusions.

References

1. Baker G.L. (2010) The Middle Voice in Günter Grass's *Im Krebsgang*. *German Quarterly*, 83 (2), pp. 230-244.
2. Davis T. (2013) Elizabeth Bowen's war gothic. *Textual Practice*, 27 (1), pp. 29-47.
3. *Ego zvali Boris Gorbatov. Vospominaniya* [His name was Boris Gorbatov. Memories] (1958). Stalino: Stalinskoe oblastnoe izdatel'stvo Publ.
4. Faragher M. (2013) The form of modernist propaganda in Elizabeth Bowen's *The Heat of the Day*. *Textual Practice*, 27 (1), pp. 49-68.
5. Galin B.A. (1964) *Boris Gorbatov. Cherty literaturnogo portreta* [Boris Gorbatov. Features of a literary portrait]. Moscow: Znanie Publ.
6. Golsan R.J. (2014) The portics and perils of faction: contemporary French fiction and the memory of World War II. *Romanic Review*, 105 (1/2), pp. 53-68.
7. Gorbatov B. (1988) *Sobranie sochinenii v chetyrekh tomakh* [Works in four volumes], vol. 3. Moscow: Pravda Publ.
8. Ionov A. (1956) *Boris Gorbatov: ocherk zhizni i tvorchestva: vospominaniya* [Boris Gorbatov: essay on life and art: memories]. Stalino: Stalinskoe oblastnoe izdatel'stvo Publ.

9. Karpova V. (1970) *Chuvstvo vremeni. Ocherki tvorchestva B. Gorbatova* [The sense of time. Essays on works of B. Gorbatov]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
10. Kolesnikova G.A. (1957) *Boris Gorbatov: tvorcheskaya biografiya* [Boris Gorbatov: creative biography]. Sovetskii pisatel' Publ.
11. Leiderman N.L. (2010) *Knigi otechestvennogo zaveta* [Books of domestic covenant]. *Filologicheskii klass* [Philological class], 23, pp. 4-7.
12. Lippit S.M. (2010) Spaces of Occupation in the Postwar Fiction of Hotta Yoshie. *Journal of Japanese Studies*, 36 (2), pp. 289-312.
13. Medrish D.N. (1959) *Pozitsiya khudozhnika i ego stil' (o proze Borisa Gorbatova)* [The position of the artist and his style (prose Boris Gorbatov)]. *Voprosy literatury* [Questions of literature], 7, pp. 89-104.
14. Medrish D.N. (1963) *B. Gorbatov – prozaik. Voprosy stilya. Doct. Diss.* [Gorbatov as a writer of fiction. Questions of style. Doct. Diss.]. Moscow.
15. Mirskii D. (1937) *Romantizm* [Romanticism]. In: *Literaturnaya entsiklopediya: V 11 t.* [Literary Encyclopedia in 11 vols], vol. 10. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 17-39.
16. Rebien K. (2007) Dimensions of Engagement: Politics and Aesthetics in Heinrich Böll's Early Fiction. *German Quarterly*, 80 (3), pp. 350-367.
17. Savell'eva M.S. (1971) *B.L. Gorbatov – publitsist. Doct. Diss. Abstract* [Gorbatov – publicist: Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
18. Simonov K. (1983) *Samyi raznyi Gorbatov* [The most different Gorbatov]. In: Simonov K. *Sobranie sochinenii v 10 t.* [Works in 10 vols.], vol. 10. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 544-561.
19. Turkov A.M. (1952) *Gorbatov, Boris Leont'evich.* In: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia], vol. 12. Moscow, p. 69.
20. Veas-Gulani S. (2003) Diagnosing Billy Pilgrim: A Psychiatric Approach to Kurt Vonnegut's *Slaughterhouse-Five*. *Critique*, 44 (2), pp. 175-184.
21. Velengurin N. (1955) *Tvorchestvo Borisa Gorbatova: Doct. Diss.* [Boris Gorbatov's works: Doct. Diss.] Moscow.
22. *Vospominaniya o Borise Gorbatove* [Memories of Boris Gorbatov] (1964). Moscow: Sovetskii pisatel' Publ.